

Самъ Ты возглашалъ: „радуйся и веселись, дщерь Сіона, по тому что вотъ Я иду и поселюсь посреди тебя, говоритъ Господь, и сойдутся народы многіе къ Господу въ день тотъ, и будутъ Ему въ народъ“ (Зах. 2, 10—11). Да и сами мы, находясь и живя вмѣстѣ, слышали Твой голосъ, когда Ты говорилъ къ намъ: „когда вознесусь отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ“ (Іоан. 12, 32), равно и къ самимъ Іудеямъ Ты изрекъ, что „и другихъ овецъ имѣю, кои не суть отъ двора сего, и тѣхъ мнѣ должно привести и будутъ одно стадо, одинъ пастырь“ (Іоан. 10, 16). Итакъ, если ожидается распространеніе Твоей благодати на всѣхъ и какъ Самъ Ты ясно обѣщался намъ всѣхъ привлечь къ боговѣдѣнію, такъ и гласъ святыхъ пророковъ свидѣтельствуемъ о семъ, то „что случилось?“ Куда, говоритъ отклонилась и перенесена цѣль обѣщанія? Почему не всѣмъ, живущимъ въ мірѣ, Ты являешь Себя, но только намъ однимъ? Таковъ, думаю, а не другой, смыслъ словъ ученика.

А что отвлекло его отъ истиннаго пониманія (словъ Господа), это надо показать.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „мало, и міръ Меня уже не будетъ видѣть, вы же будете видѣть Меня“ (ст. 19). Но безъ сомнѣнія было совершенно ясно, что міромъ въ этихъ словахъ называется конечно не тѣхъ, кто находятся въ этой жизни или живутъ на землѣ, ибо всѣ въ этомъ мірѣ и злы и добры,—но назвалъ міромъ тѣхъ, кои предпочли помышлять земное и предали свой умъ суетѣ міра (ср. Филип. 3, 19). Вотъ это то не очень разумѣвая, ученикъ подумалъ, будто Онъ говоритъ, что будетъ сокрытъ отъ взора, очевидно внутренняго и сокровеннаго, всѣхъ другихъ людей, кои обитаютъ въ этомъ земномъ пространствѣ, и станетъ совершенно

невидимъ и никому не вѣдомъ, кромѣ однихъ только Своихъ учениковъ. Такова была причина невѣдѣнія его. Вѣдь если бы онъ уразумѣлъ въ началѣ, онъ отнюдь не приступилъ бы къ Нему съ вопросомъ: *что стало (почему произошло), что намъ имѣешь явить Себя, а не міру?*“ Къ такому пониманію (словъ Господа) онъ приведенъ былъ тѣмъ, что принялъ слово (міръ) въ общемъ и обычномъ для другихъ значеніи. Вѣдь по общепринятому и обычному всѣмъ словопотребленію мы обыкновенно называемъ міромъ живущихъ во всемъ мірѣ, равно какъ и городомъ можно называть населяющихъ цѣлый городъ.

Впрочемъ достоинъ похвалы ученикъ и за эти слова. Замѣчай, какъ онъ желаетъ, чтобы слава Спасителя, подобно солнцу, являлась живущимъ по всей землѣ, хотя онъ, имѣя обѣщаніе о познаніи (Господа), могъ удовольствоваться однимъ собственнымъ своимъ благомъ, если бы имѣлъ заботу объ одномъ только себѣ самомъ. Но благо, обѣщанное какъ бы ему единолично, не было достаточно для его счастья. И такъ какъ онъ былъ одновременно и боголюбивъ и братолюбивъ, то и желаетъ, чтобы слава Спасителя распространялась на всѣхъ и благодать предлагалась всѣмъ вообще братьямъ. Дѣйствительно, что можетъ сравняться съ призваніемъ къ точному знанію Бога?

XIV, 23. *Отвѣща Іисусъ и рече ему: аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему приидемъ и обитель у него сотворимъ* ¹⁾.

Замѣтивъ, что ученикъ все вполне разумѣетъ (сло-

¹⁾ Асс: глагола е.му Іисусъ ОМЗАСГ Мет идевъ-створивъ, Ник идевъ-створиви Павд Арх Юр Добр Тип. Сим Конст Су Амф Ал: *приидеъъ*. Но Рейм: *приидемъ—своримъ*. Въ греч. новозав. языкѣ двойственное число не употребляется.

ва Его), снова возвращается къ тому, что было сказано въ началѣ, и ясно научаетъ, что Онъ явить Себя Своимъ близкимъ не однимъ только состоящимъ въ видѣннй познаніемъ, но будетъ у насъ нѣкій изрядный и для другихъ недоступный способъ просвѣщенія. Вѣдь люди прѣстые, только что удалившіеся отъ идольскаго заблужденія и призванные къ познанію истиннаго Бога по природѣ содержатъ вѣру въ простомъ и чуждомъ пытливости разумѣ, научившись мыслить можетъ быть одно только то, что „ничто идолъ въ мірѣ“ (1 Кор. 8, 4), но одинъ Богъ по природѣ. А тѣ, кои украшаютъ свою душу всякою добродѣтелью и оказываются способными къ познанію божественныхъ и сокровенныхъ тайнъ получаютъ просвѣщеніе чрезъ Святаго Духа и своими духовными очами будутъ созерцать вселившагося въ нихъ Господа. Итакъ, не обще съ другими знаніе святыхъ, но нѣкое особенное и изрядное, имѣющее большое отличіе.

Такъ всякимъ образомъ и способомъ помогаетъ намъ Христосъ. Во первыхъ ясно опредѣляетъ, кто есть любящій Его, показуя, какъ мнѣ кажется и слѣдуетъ правильно думать, что не всѣмъ доступно воспріятіе благодатнаго дара, но только тѣмъ, въ комъ окажется присущимъ достоинство близости къ Нему чрезъ соблюденіе заповѣдей.

Потомъ Онъ говоритъ о томъ, какимъ образомъ Онъ возсіяетъ имъ и какъ вселится въ нихъ, въ словахъ; „*возлюбитъ его Отецъ Мой*“. Это потому, что кто своею вѣрою въ Сына почититъ Родителя Его, тотъ плодомъ этого будетъ имѣть любовь (къ себѣ Отца).

Далѣе: что отсюда произойдетъ и какая будетъ ему прибыль, это ясно представляетъ въ словахъ:

„придемъ къ нему Я и Отецъ и пребываніе у него совершимъ“. Какъ скоро вселился въ насъ Спаситель нашъ Христосъ чрезъ Святаго Духа, то вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ конечно находиться въ насъ и Родитель Его, ибо Духъ Христа есть Духъ и Самого Отца. Такъ и божественный Павелъ называетъ Духа то Духомъ Отца то Духомъ Сына, не противорѣча въ своихъ словахъ, но высказывая истину въ томъ и другомъ случаѣ, ибо Онъ (Духъ) таковъ есть по своей природѣ. Поэтому онъ (Апостоль) говоритъ въ одномъ посланіи, что „Воздвигшій Христа Иисуса изъ мертвыхъ оживотворить и смертныя тѣла наши чрезъ обитающаго Его Духа въ насъ“ (Римл. 8, 11),—а потомъ опять: „а потому что вы есте сыны, послалъ Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваши, взывающаго: Авва Отецъ“ (Гал. 4, 6). Видишь, какъ одинъ и тотъ же Духъ есть и Духъ Отца и Духъ Сына. Итакъ при обитаніи Единороднаго въ сердцахъ нашихъ, не отсутствуетъ Отецъ, ибо Сынъ имѣетъ въ Себѣ Родителя Своего, будучи одной съ Нимъ сущности, и Самъ находится въ Отцѣ природно.

Таково опредѣленіе вѣры и безукоризненное ученіе. Но при семъ я съ большимъ удовольствіемъ предложилъ бы одинъ вопросъ тѣмъ, кои по великому невѣжеству своему рѣшились иномыслить и вооружаютъ свой языкъ противъ славы Духа. Что отвѣтятъ они, когда мы спросимъ ихъ: если Духъ, по вашему, тваренъ и чуждъ сущности Бога, то какъ же въ насъ чрезъ Него обитаетъ Богъ? Какимъ образомъ пріавшій Духа причастенъ Богу? Вѣдь если допустимо, что мы становимся причастниками божественной и неизрѣченной Природы чрезъ какую либо всецѣло тварную сущность, то что же тогда можетъ оказаться препятствующимъ Богу и Отцу отвергнуть Духа и

чрезъ какую либо другую тварь, какую пожелаетъ, находится въ насъ и освящать насъ? Но это невозможно. Никто не можетъ быть причастникомъ Бога по природѣ чрезъ другое что, кромѣ какъ чрезъ Духа. Слѣдовательно Духъ есть Богъ и отъ Бога, а не соприсчисляется къ тварямъ, какъ это думали нѣкоторые.

Кромѣ того, впрочемъ, должно имѣть въ виду и вотъ что. Причаствующее чему либо, какъ высшему по существу и имѣющему другую природу сравнительно съ природою причаствующаго, необходимо должно быть по природѣ другимъ сравнительно съ гѣмъ, чему оно причаствуетъ. Поэтому если Духъ созданъ или тваренъ, то чему же тогда будетъ причаствовать тварь? Не самой ли, безъ сомнѣнія, себѣ? Ибо тварность въ такомъ случаѣ оказывается общою у обоихъ. Но, будучи по природѣ созданы и тварны, мы стали причастниками Духа, какъ другого по природѣ, чѣмъ мы. Слѣдовательно не тваренъ Духъ. Если же это истинно и дѣйствительно такъ, то Духъ есть Богъ и отъ Бога, какъ мы сказали. Вѣдь ничто изъ существующаго не можетъ избѣжать свойства тварности, кромѣ одного только Бога по природѣ, изъ коего, очевидно, исходитъ (*προϊόν*) неизреченно Духъ Святой, какъ Самъ Тотъ, изъ кого Онъ есть, въ насъ обитаетъ, ибо Онъ (Духъ) одной съ Нимъ (Богомъ) сущности и есть какъ бы качество святости Его (Бога).

Это—противъ тѣхъ (лжеучителей). А противъ аномеэвъ и вооружающихся на Сына, кои страждутъ родственнымъ и близкимъ съ сейчасъ названными (лжеучителями) безуміемъ, скажу необходимое. „*Если кто любитъ Меня, слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ и пребываніе у него*

совершимъ.“ Что же, любезнѣйшіе, скажете, когда кто либо пожелаетъ спросить и узнать отъ васъ: двухъ ли боговъ мы будемъ имѣть обитающими въ насъ, Отца и Сына,—или же Богъ одинъ мыслится въ насъ и дѣйствительно есть? Вѣдь если Сынъ есть всецѣло другой по природѣ и мыслится въ нѣкоей Своей собственной природѣ, то развѣ не необходимо вѣровать, что въ насъ будетъ двоица боговъ, когда мы соблюдаемъ заповѣди? Если же мы называемся храмами, очевидно одного, а не двухъ боговъ, когда въ насъ вселяются Отецъ и Сынъ, то какое же основаніе будетъ для сокращенія двухъ въ единство, какъ скоро нѣтъ мѣста тожеству сущности, по вашему умоповрежденному мнѣнію? Или необходимо утверждать, что Христосъ сказалъ намъ ложь, и обитаетъ въ насъ одинъ только Отецъ чрезъ Духа. Или же обитаетъ въ насъ Онъ (Сынъ), Отецъ же отсутствуетъ, что нелѣпо. Но одинъ Богъ въ насъ, когда Обоихъ принимаемъ. Слѣдовательно уже не иносущнымъ съ Своимъ Отцемъ окажется Единородный, но изъ Него и въ Немъ (есть), какъ въ свѣтѣ—сіяніе изъ него (исходящее). Таково, а не другое, истинное значеніе тайны (единосущія божескихъ лицъ). Такъ и божественный Павелъ назвалъ насъ храмами не двухъ боговъ, но очевидно Одного и Того же, когда говоритъ: „не знаете ли, что храмъ Бога есте и Духъ Бога живетъ въ васъ?“ (1 Кор. 3, 16). Видишь, что, приводя Отца и Сына къ тожеству сущности, представляетъ насъ храмами не боговъ, но Бога. Зачѣмъ же пустыми разсужденіями отклоняете силу истины и ядъ своего нечестія всѣваете въ тѣхъ, кои обыкли неразумно нападать на священныя и божественныя писанія?

XIV. 24. *Не любяй Мя словесъ Моихъ не блюдетъ.*

Ясно предуказавъ и точно опредѣливъ, кто суть любящіе Его и причастниками какихъ благовъ они будутъ, тотчасъ переходитъ къ другимъ, еще не пожелавшимъ любить (Его). Они, говоритъ, не будутъ блюстителеми словъ Моихъ. Это означаетъ выраженіе: „не соблюдетъ Слово Мое“, какъ бы про одного или объ одномъ изрекаемое, хотя оно имѣетъ широкое и общее значеніе. Весьма справедливо говоритъ и это. Вѣдь если соблюденіе заповѣдей или слова Его должно быть яснымъ доказательствомъ любви къ Нему, то безъ сомнѣнія должно быть истиннымъ и противоположное, именно пренебреженіе заповѣдью и отверженіе повелѣній Его, какъ чего то способнаго принести вредъ, должно быть доказательствомъ нежелапія любить Его. Но какъ законохранителямъ Онъ обѣщаль что вселится въ насъ Самъ Онъ вмѣстѣ съ Богомъ и Отцомъ, такимъ же, думаю, образомъ Онъ совершенно отступить и удалится отъ нетакovýchъ, ибо истину выскажетъ намъ Соломонъ въ словахъ: „потому что въ злохудожную душу премудрость не внидетъ, ни обитаетъ она въ тѣлѣ подверженномъ грѣху“ (Прем. Сол. 1, 4). Вѣдь и у насъ ты можешь находить такое же положеніе дѣлѣ. Развѣ каждый не предпочитаетъ вращаться среди своихъ единомышленниковъ и ведущихъ одинаковый съ нимъ образъ жизни предъ другими? „Всякое животное любить подобное себѣ“ по написанному, „и къ подобнымъ себѣ привязывается мужъ“ (Сир. 13, 19. 20). Если же у насъ самихъ представляется достойнымъ особеннаго старанія дѣломъ находиться вмѣстѣ съ единоправными намъ людьми, то не тѣмъ ли болѣе мы должны думать такъ о Богѣ? Будучи благимъ по

природѣ и началомъ и источникомъ всякой добродѣтели Онъ не въ любителяхъ зла, но въ творцахъ добродѣтели вселяется, а отъ всякаго нечистаго отвращается, и вполне справедливо. Итакъ, какъ мы сами стараемся очистить свои жилища отъ грязи и зловонія, отказываясь жить въ нихъ, если въ нихъ оказывается что либо такое,—такъ не тѣмъ ли болѣе Богъ нашъ Пречистый и Всесвятый долженъ удалиться отъ оскверненной души и отвращается отъ сердца, помраченнаго нечистою грѣха? Но это несомнительно. Что такимъ, а не другимъ долженъ оказаться не соблюшій заповѣди, какъ нечистый грязелюбецъ,—этому научить тебя опять самый смыслъ толкуемаго изреченія, ибо въ несоблюденіи божественныхъ заповѣдей обрѣтается происхожденіе грѣха.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ лишеніе свѣта вводитъ противоположное, разумѣю тьму, такъ нежеланіе творить добродѣтель ведетъ къ порожденію зла. Вѣдь по закону противоположности, какъ полагаю, въ одномъ и томъ же предметѣ не могутъ быть вмѣстѣ взаимно себя исключаютія качества. Такъ порокъ и добродѣтель раздѣлены между собою противоположными качествами,—или какъ бы кто ни назвалъ это—не погрѣшить,—и ни въ комъ изъ людей они не могутъ оказаться присущими въ одно и тоже время и исполняемыми въ дѣятельности. Или пороченъ кто либо, или добродѣтеленъ, хотя бы и не до крайняго предѣла порочности или добродѣтельности. Поэтому, когда усиливается въ насъ одно, ослабѣваетъ безъ сомнѣнія другое, то есть противоположное. Если соблюденіе заповѣдей есть видъ добродѣтели, то развѣ не очевидно, что несоблюденіе есть начало порочности? И какъ соблюшему заповѣди назначено имѣть въ себѣ Отца и Сына, что служитъ началомъ

и основаніемъ всякаго блаженства и славы, такъ и несоблюдшему—не быть причастникомъ божественной неизреченной Природы, что является лишеніемъ всякаго блага. Итакъ, если прекраснымъ и достолюбезнымъ (дѣломъ) представляется кому либо быть причастникомъ божественной Природы и въ сокровищницахъ своего сердца имѣть вселяющимся и обитающимъ Отца и Бога всяческихъ чрезъ Сына въ Духъ, тотъ да очищаетъ свою душу и всевозможными способами, а всего болѣе—посредствомъ всякой добродѣтели, да омываетъ скверну своей порочности. Тогда онъ назовется дѣйствительнымъ храмомъ Божиимъ, и Богъ упокоится въ немъ и вселится, по написанному (ср. ст. 23 и 1 Кор. 3, 16). Онъ не будетъ подобенъ тому, упомянутому въ евангеліяхъ, законнику, который, не дождавшисъ благодати (празванія) отъ Спасителя, самозванно явился къ слѣдованію за Нимъ, и, восхищая себѣ столь досточудную честь, говорить: „Учитель! я послѣдую за Тобою, куда Ты ни уйдешь“. Но что отвѣтилъ ему Господь, какъ бы въ притчѣ и загадкѣ? „Лисицы норы имѣютъ и птицы небесныя—гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ главу приклонить“ (Матѣ. 7, 19. 20). Лисицами и небесными птицами назвалъ злокозненныхъ и нечистыхъ демоновъ и всѣхъ этихъ находящихся въ мірѣ и воздушныхъ духовъ, кои вселяются и обитаютъ въ сердцахъ людей, преданныхъ удовольствіямъ (мірскимъ), находя въ нихъ исполненіе своихъ желаній и такъ стѣсняя несчастныя души пріемлющихъ, что въ нихъ Богъ не находитъ совѣмъ никакого мѣста обитанія. Это и означаетъ выраженіе „приклонить голову“.

Будемъ поэтому очищать отъ всякой скверны сердца свои, ибо только при такомъ условіи вселится въ

насъ Богъ и явить насъ выше всякаго діавольскаго вліянія, содѣлаеть блаженными и ревностными (служителями Своими) и покажетъ общниками Своей божественной и неизреченной природы.

XIV. 24. И слово, еже слышите, нѣсть Мое, но Пославшаго Мя Отца.

Опять предусмотрительно вводитъ нѣчто необходимое и направляющее къ правильному разсужденію и снова поставляетъ на видъ (своимъ ученикамъ) нѣчто такое, чрезъ что они должны были еще болѣе научиться надлежащему разумѣнію глубокаго таинства. И укрѣпляетъ умъ слушателей, чтобы кто, увлекаясь невѣжествомъ іудеевъ и склонившись мыслить согласно ихъ предположеніямъ, не сталъ пренебрегать святымъ и евангельскимъ наученіемъ. Я хочу сказать вотъ что. Законъ, имѣя тѣнь и образъ, „до времени исправленія“ (Ефр. 10, 1; 9, 10) назначенный, по слову Павла, „дѣтководителемъ насъ сталъ ко Христу“ (Гал. 3, 24) и вносилъ какъ бы нѣкую предварительную заботу о добродѣтели благочестія, такъ что не отступилъ бы отъ истины, если бы кто Моисеевы узаконенія назвалъ предупраженіемъ въ истинномъ и духовномъ богослуженіи. Поэтому то „законъ ничего не доводилъ до совершенства“ (Евр. 7, 19). Господь же нашъ Иисусъ Христосъ уже не образы вещей, но самую истину во очію показаль намъ, не въ прообразахъ уже и прикровеніи начертывая намъ добродѣтель, что дѣлалъ Моисей, но представляя ее какъ бы обнаженною и явною и вполне приготавливая человѣка къ благочестію. Такимъ образомъ наученіе, заключающееся въ словахъ Христовыхъ, было превращеніемъ и переведеніемъ образовъ въ истину. И такъ какъ возсіяла уже истина,

то излишне уже было держаться тѣни, и Христось приходившимъ къ Нему чрезъ вѣру узаконялъ не вращаться болѣе въ законныхъ образахъ. А это очень печалило іудеевъ, такъ какъ они думали, что Христось пришелъ для того, чтобы разрушить исконный законъ, хотя они слышали, какъ Онъ ясно взывалъ; „не пришелъ Я нарушить законъ, но исполнить: ибо говорю вамъ, что іота одна или единая черта не преидетъ отъ закона, пока все будетъ“ (Матѹ. 5, 17. 18). Дѣйствительно, истинная добродѣтель, введенная законами Христа, служитъ исполненіемъ тѣни закона, какъ мы только что говорили. А какъ іудеи, безразсуднымъ умомъ впавъ въ невѣріе и дойдя до ревности о законѣ не по разуму (Римл. 10, 2), думали отверженіемъ ученія Христова защищать законъ, то поэтому Онъ, чтобы не показаться кому либо опредѣляющимъ нѣкоторые новые или свои собственные законы, вопреки волѣ Бога и Отца, благополезно и необходимо присоединилъ, что *„слово, что слышите, не есть Мое, но Пославшаго Меня.“*

Никто, говорить, изъ приходящихъ ко Мнѣ чрезъ вѣру да не думаетъ, будто Я изрекъ какое либо слово, противорѣчащее Богу и Отцу. Его также, а не другого кого, есть евангельская проповѣдь, такъ что Онъ нисколько, такъ сказать, не устыдился за древнія узаконенія (Моисеевы), равно и никакой теперь высшей заповѣди не изобрѣтено, но только прообразъ въ надлежащее время превращенъ въ истину. Вѣдь Глаголавшій тѣ законы чрезъ Меня древнимъ тогда и эти теперь къ вамъ (Онъ же изрекаетъ), ибо Я есмь Слово Живое, Истолкователь неизреченной воли Бога и Отца (Іоан. 1, 1. 18), почему и называюсь „Великаго Совѣта Ангелъ“ (Иса. 9, 6).

Или такимъ образомъ мы должны понимать изре-

чение, разумѣю „слово, что слышите, не есть Мое, но Пославшаго Меня Отца,“ или же и иначе должны разумѣть. Свое слово называетъ словомъ Бога и Отца, дабы соблюдающіе его знали, что чтутъ Бога, когда повинуются словамъ Его (Христа). Тѣ же, кто впадаетъ въ противоположное сему и не стѣсняется неповиновеніемъ оскорблять данную заповѣдь, погрѣшаютъ противъ Самой, царствующей надъ всѣмъ, Природы.

Двумя опять способами можно было укрѣпить умъ слушателей. Или побудить къ вѣрѣ чрезъ возбужденіе желанія почитать Бога, или же достигнуть того же самого чрезъ возбужденіе страха оскорбить Его. Въ томъ и другомъ случаѣ разсужденіе оказывается полезнымъ и умѣстнымъ. А говоря, что „не есть Мое слово,“ отнюдь конечно не отклоняетъ насъ отъ Своего собственнаго лица, поскольку Онъ есть Слово и Богъ. Но говорить это какъ имѣвшій еще рабскій образъ и являвшійся въ человѣческомъ видѣ и бывшій истинно подобнымъ намъ, причемъ не желаетъ, чтобы слово Его считалось человѣческимъ, но истинно божественнымъ и царскимъ, необходимо относя его къ лицу Отца, дабы, раздѣливъ Себя, не дать повода признавать уже двухъ сыновъ, будучи однимъ Сыномъ и прежде воплощенія и послѣ воплощенія, ибо одинъ Христосъ, а не два, какъ думаютъ нѣкоторые. Будучи Богомъ, Слово изъ Отца стало плотью, по слову Іоанна (Іоан. 1, 14),—не превратилось въ плоть, но храмъ отъ Святой Дѣвы содѣлало Своею плотью. Дабы такимъ образомъ мы не считали Его слово человѣческимъ и ученіе евангельское не отстраняли отъ божественной природы, но вѣрили, что оно отъ сущаго надъ всѣми Бога, Онъ предусмотрительно и весьма прекрасно, какъ являвшійся и въ че-

ловѣческомъ образѣ, усвояетъ опять Свое слово божественной природѣ, въ лицѣ Бога и Отца, изъ Котораго и въ Которомъ Онъ есть по природѣ, какъ сіяніе и Слово Его и отраженіе ипостаси Его (Евр. 1, 3).

XIV, 25. 26. Сія глаголахъ вамъ, у васъ пребывая. Утѣшитель же Духъ Святыи, Его же пошлетъ вамъ Отецъ во имя Мое, Той вы научитъ всему и вспомнитъ вамъ вся, яже рѣхъ азъ.

Рѣчь эта имѣетъ также человѣческой характеръ и не удаляется отъ нашихъ (человѣческихъ) предѣловъ, какъ скоро смыслъ даннаго мѣста понимается надлежащимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда, основательно спросить кто, не находится среди насъ Христосъ конечно по силѣ божества, если Онъ наполняетъ все и ни въ чемъ вообще не отсутствуетъ, но объемлетъ неизреченною силою и землю и небо, не оставляетъ безъ себя даже глубины ада? ибо гдѣ нѣтъ Бога? Потому когда говоритъ: „*сіе къ вамъ сказалъ я у васъ пребывая*“, то мы должны понимать это по человѣчеству Его. И такъ какъ долженъ былъ удалиться изъ нашихъ глазъ, разумѣю конечно по плоти, то приготовившись къ отшествію на небеса, говорить это. А совершеннѣйшее и точнѣйшее откровеніе намъ тайны, говорить, совершилось чрезъ Утѣшителя, то есть Святаго Духа, посланнаго отъ Отца во имя Его, то есть Сына, ибо какъ Христосъ въ насъ Духъ Его. Поэтому говорить, что „*Онъ научитъ васъ всему, что сказалъ вамъ Я*“. А какъ Онъ есть Духъ Христа и умъ Его (1 Кор. 2, 16), по написанному, не другое что отличное отъ Него, по отношенію конечно природнаго тожества, хотя и представляется и существуетъ особо (*ιδιωσ*), то Онъ

знаетъ все, что въ Немъ (Христѣ). О семъ засвидѣтельствоуетъ Павелъ въ словахъ: „ибо кто вѣдаетъ чело-вѣческое, какъ не духъ челоуѣка, сущій въ немъ? такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія“ (1 Кор. 2, 11). Итакъ, какъ знающій волю Единороднаго, Онъ (Духъ) все намъ возвѣщаетъ, имѣя знаніе не чрезъ наученіе, чтобы не являлся занимающимъ положеніе слуги и передающимъ слова кого то другаго, но какъ Духъ Его, о чемъ только что мы сказали, и безъ поученія зная все, что отъ Него и въ Немъ есть, открываетъ святымъ божественныя тайны. Подобно тому, какъ, безъ сомнѣнія, и челоуѣческій умъ, зная все, что есть въ немъ, проявляетъ во внѣ чрезъ произносимое слово, напримѣръ, желанія души, которой принадлежитъ и умъ, мысленно созерцаемый и называемый какъ нѣчто другое отъ нея отличное, по природѣ же не будучи другимъ (отъ нея отличнымъ чѣмъ то), но какъ восполнительная часть всего (цѣлаго), находящаяся въ ней и изъ нея считающаяся происходящею. Но божественная и неизреченная Природа выше этого, ибо значеніе прмѣра весьма незначительно (для уясненія отношеній божескихъ лицъ), хотя бы сравненіе и было выражено тонко.

Итакъ, совершенное наученіе порождается въ святыхъ чрезъ Духа. Такъ и божественный Павелъ пишетъ въ одномъ посланіи: „И я, услышавъ о вашей вѣрѣ въ Господѣ Исусѣ и о любви ко всѣмъ святымъ, непрестанно благодарю за васъ (Бога), воспоминаніе творя въ молитвахъ моихъ, дабы Богъ Господа нашего Исуса Христа, Отецъ славы, далъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніи Его, просвѣщенныя очи сердца къ познанію вами, какая есть надежда призванія вашего, какое богатство славы наслѣдія Его во святыхъ и какое безмѣр-

ное величіе могущества Его на насъ, вѣрующихъ по силѣ, что воздѣйствовалъ во Христѣ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ и посадивъ одесную Себя на небесахъ превыше всякаго начальства и власти и силы и господства и всякаго имени, именуемаго не только въ вѣкѣ семъ, но и въ будущемъ“ (Ефес. 1, 15—21). Въ откровеніи такихъ истинъ, неизреченно совершаемомъ въ насъ чрезъ Духа, мы созерцаемъ глубину домостроенія съ плотью (богovoплощенія) и значеніе сокровенной тайны. А что присутствіе Христа Самого и силу Его исполняетъ Духъ Его, обитая во святыхъ, и научаешь всему, что Онъ изрекъ намъ, и это нисколько не менѣе уяснить намъ Павелъ въ словахъ; „ сего ради преклоняю колѣна мои предъ Отцомъ, отъ Котораго всякое отечество и на небѣ и на землѣ именуется, да дастъ вамъ по богатству славы силою утвердиться чрезъ Духа Его во внутренняго человѣка, вселиться Христу чрезъ вѣру въ сердцахъ вашихъ, въ любви укорененные и утвержденные, чтобы возмogli вы воспріять со всѣми святыми, что (есть) широта и долгота и глубина и высота и уразумѣть превосходящую разумѣніе любовь Христову, да исполнитесь во всю полноту Божію“ (Ефес. 3, 14—19).

Должно опять замѣтить, что въ словахъ объ откровеніи всего святымъ чрезъ Духа не другому отдаешь ихъ учителю,—не думай сего,—но Себѣ Самому предоставляетъ ихъ чрезъ Духа, какъ невидимый уже тѣлесными очами, но духовнымъ зрѣніемъ сердца созерцаемый, какъ это подобаетъ Богу.

XIV. 27. *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ. не якоже мръ даетъ, Азъ даю вамъ. Да не смущается ваше сердце, ни устрашается.*

Приведши на память святымъ апостоламъ Свое вос-

хожденъ на небеса и словами „сіе сказалъ Я вамъ, у васъ пребывая“ давъ имъ понять, что они въ этомъ смыслѣ будутъ оставлены одни, Онъ, будучи Богомъ по природѣ, тотъ часъ же ясно разумѣетъ, что слова эти вложили въ нихъ превеликій ужасъ, сильно устрашили ихъ и, удручивъ тяжелою печалью, смутили духъ cadaго. Дѣйствительно, что можетъ быть несноснѣе печали? Что бываетъ столь тяжко, какъ отнятіе пріятнаго и неожиданное лишеніе особенно любимыхъ предметовъ?

Итакъ, представляетъ ихъ смущенными печалью и страхомъ. Причина и корень печали, именно что Онъ долженъ удалиться отъ нихъ и перейти къ Отцу, были отчасти весьма справедливы и они не безъ основанія могли подозрѣвать, что подвергнутся всякимъ страданіямъ, когда уже не будетъ съ ними видимо для тѣлеснаго взора присутствовать Тотъ, Кто былъ въ состояніи ихъ охранять. Какъ же Онъ укрѣпляетъ ихъ или какимъ образомъ вселяетъ въ нихъ радость благодушія и духъ ихъ снова приводитъ къ божественному покою? „Даю,“ говоритъ, *вамъ миръ и оставляю вамъ миръ Мой.*“ Часто, говоритъ, Я изрекалъ вамъ, что „не оставлю васъ сиротами“ (ст. 18). Не будете жить на землѣ одни, лишенные и не имѣя помощника. Я опять буду съ вами и, отсутствуя тѣломъ, снова буду ограждать васъ Своимъ благоволеніемъ, какъ Богъ,—поставлю васъ выше всякаго страха, никто не превзойдетъ вашу смѣлость. Исчезнетъ всякій страхъ, робость удалится прочь и нѣкая божественная сила возсіяетъ въ васъ, которая, при успокоеніи духа и умирненія сердца, поведетъ васъ къ откровенію тайнъ, превышающихъ человѣческой умъ. Теперь же *даю вамъ миръ* не просто, но *миръ Мой.* Этимъ Онъ ясно высказалъ не другое что, какъ то,